

Глава 1

До Петербурга

Ладю вдруг перестало бросать на крутой, почти морской волне Ладоги, ход корабля стал ровнее и спокойнее. Почувствовав это, архиепископ Афанасий Холмогорский оделся, взял посох и вышел из своего чулана (так в России XVII века часто называли каюту) на палубу. Ладья покинула ладожский простор и уже вошла в устье Невы, быстрое невовское течение подхватило судно и понесло его вдоль высокой и длинной, как борт фрегата, стены островной крепости. Над крепостной башней отчетливо виднелся синий

треххвостый флаг с желтым крестом — это был шведский Нотебург, а по-русски Орешек, расположенный на небольшом острове в форме треугольника в том самом месте, где Нева начинает свой стремительный бег из Ладоги к морю...

На пороге шведских земель

Волнением смотрел Афанасий на эти грозные стены. Здесь, в устье Невы, возле Орешка-Нотебурга, он впервые пересек невидимую черту, отделявшую Россию от шведской Ингрии — бывшей российской Ижорской земли. На дворе стояло лето 1700 года, со времен Столбовского мира 1617 года прошло больше восьмидесяти лет, это — две-три тогдашние человеческие жизни, но горечь давней «государевой потери»*, унизившей Россию при заключении мира со Швецией, не забывалась. Афанасий сам помнил, как в 1656 году при отце Петра I царе Алексее Михайловиче русская армия, несмотря на все усилия, овладеть Нотебургом так и не сумела и с позором отступила к Новгороду. Как книгочей, человек образованный и знающий историю,

* Земли в устье Невы (Водская пятина) в начале XVII века, после Смутного времени, перешли к Швеции. Их (включая крепость Ниеншанц) Петр I вернет в ходе Северной войны, основав там Санкт-Петербург.

Афанасий готовился к нынешней своей командировке по церковным делам из Холмогор, с берегов Белого моря, в Стокгольм. Он дал себе слово описывать весь путь «из державы Царского величества из поморских стран... до Шведских городков со свидетельством сведущих людей и теми пути многократно купчески шествовавших». И слово свое сдержал — описал весь путь...

Первая столица Руси

Невские берега не были чужими для русских уже тысячу лет. Славянские племена (словене и кривичи) поселились здесь еще в бесписьменную эпоху и жили бок о бок — порой весьма недружно — с местными, автохтонными угро-финскими племенами (чудь, меря, весь). Но важно другое — в вечном споре «откуда есть пошла земля Русская», то есть об истоках нашей государственности, летописцы древности да и многие ученые (теперь особенно) отдают пальму первенства не Киеву, не Великому Новгороду (уж само его название «новый город» говорит, что был еще и какой-то «старый»), а Ладоге (ныне Старая Ладога). Почти наверняка можно сказать, что этот город, стоявший неподалеку от того места, где Волхов впадает в Ладожское озеро, был первой столицей Древней Руси. Об этом говорят летописи. Их подтверждают необычайно древние для Руси находки археологов

в бывших городских кварталах Ладого. Город стоял здесь, на берегу Волхова, в те времена, когда на месте Новгорода и Киева даже и деревенок не было. А в Ладогe уже в конце IX века построили каменную крепость! Здесь же, в Ладогe, отчетливо видна и тесная связь русских земель со Скандинавией. Название одной из улиц Ладого, известное по источникам с XV века, более чем выразительное — «Варяжская». Там-то и был «закопан» ключ к пониманию всей проблемы русской государственности. Именно Ладогy — место встречи скандинавской, финской и славянской цивилизаций — сделал своей столицей приглашенный сюда недружными местными племенами датский конунг Рёрик (Рюрик), ставший первым русским князем, основателем династии Рюриковичей. Он же, возможно, и построил выше по течению Волхова, у озера Ильмень, новый (по отношению к Ладогe) город — Новгород. А затем варяги захватили Киев и создали простиравшееся с юга на север вдоль рек — единственных тогда путей сообщения — государство, названное историками XIX века Киевской

Русью. Волхов, Ладога и Нева замыкали на северо-западе эту стратегически важную (как бы теперь сказали — структурообразующую) в новом государстве цепочку водных коммуникаций. Они же были и частью главного торгового пути из Стокгольма и Копенгагена до Константинополя — «из варяг в греки».

Давнее русско-шведское «нелюбие»

Преосвященный Афанасий долго смотрел за корму, где удалялся, становясь похожим на сказочный замок, Нотебург. Потом он спустился вниз, развернул тетрадь и написал (переведем записи на современный русский язык): «В начале той великой реки Невы, на острове стоит град Орешек. Строение московских великих государей, ныне же владеют шведы, весь каменный, невелик, но очень крепок: стены имеет высокие — на десять саженей. В нем живет комендант с солдатами, в полной готовности к нападению. В последние годы (лет уже десять) шведы в крепости строят весьма изрядную, большую и высокую каменную башню. Русских путешествующих купцов никогда никого внутрь крепости не пускают, а если причалят к берегу, то, проверив проезжий лист, тотчас приказывают плыть, куда кому нужно...»

Да, нелюбезны были шведы с соседями, что и неудивительно: крепость — объект секретный, а намерения русских были всем известны — вернуть «отчины и дедины». Русско-шведское «нелюбие» началось в начале XIII века, когда окончательно забылись соединявшие предков русских князей родственные и иные связи со Скандинавией, а у шведов и датчан появилось желание укрепиться в стратегически важном месте — в устье Невы, у Ладоги. Не последнюю роль играло и стремление принести сюда крест — ведь это были времена Крестовых походов на земли язычников — финнов и неподвластных римскому папе русских. Опорной точкой шведского движения на восток стал основанный в 1293 году город Выборг. Великий же Новгород, на чьи земли и претендовали шведы, строил и укреплял поблизости от шведского рубежа свою крепостную систему обороны: Ладогу с ее Георгиевским собором, а также основанные в разное время крепости: Корелу (XIII век), Копорье (1237 год), Орешек (1323 год), Ям (1384 год). В этой давней борьбе все-таки долго сохранялось некое равновесие, пока шведы в начале XVII века не сумели воспользоваться ослаблением России, попавшей в трясину братоубийственной Смуты, и не подчинили себе всю Ижорскую землю. Во времена правления царя Василия Шуйского, когда московская власть изнемогала в борьбе с самозванцами, казаками и поляками, было решено обратиться за военной помощью к шведам. Платой им за помощь должна была стать крепость Корела с окружающими ее землями.

Шведы согласились, подписали Выборгский договор 1609 года, и вспомогательный корпус Якова Делагарди в союзе с русским войском Михаила Скопина-Шуйского успешно боролся с польско-литовскими захватчиками. Но потом союзники рассорились, русско-шведские войска потерпели поражение от поляков в битве при Клушине летом 1610 года, власть Василия Шуйского рухнула, и в 1611 году шведы забрали не только положенные им по договору земли, но и захватили их вдоль Невы. Летом 1611 года Делагарди штурмом взял Великий Новгород и заставил новгородские власти подписать с ними договор о подчинении города шведскому королю. В 1612 году шведы захватили большую часть новгородских земель, в том числе русское побережье Финского залива и бассейн Невы с крепостями Ям, Копорье, Иван-город, Орешек. И хотя вскоре по заключению Столбовского мира 1617 года шведы вернули Великий Новгород России, другие захваченные земли они возвращать не хотели. Эта их воля и была записана в Столбовском мирном договоре — иного выхода у слабой тогда России Михаила Романова не было. И сколько потом русские дипломаты ни вели переговоров со шведскими представителями о компенсации «государевой потери», о возвращении «отчин и дедин», все было бесполезно — шведы смеялись им в лицо, а как-то раз, во время переговоров на пограничной реке Плюсе, ночью снялись и уехали с места переговоров: «О чем говорить с упрямыми послами из слабосильной страны! Чем они нам страшны? Да ничем!»